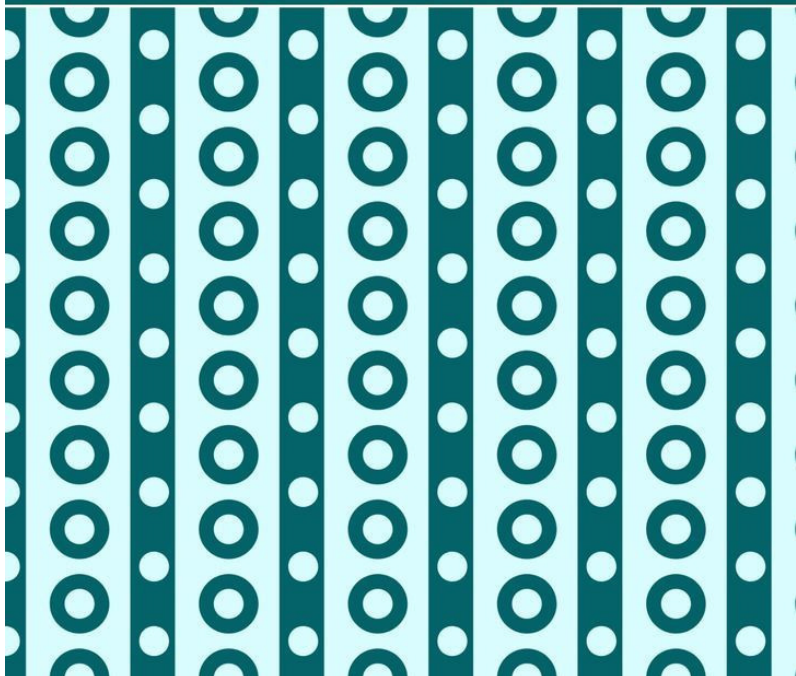

18 Вячеслав Киктенко

СВОБОДНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вячеслав Киктенко
СВОБОДНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076838

ISBN 9785005169860

Аннотация

Книга «СВОБОДНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» состоит из двух частей. Первая – «Свободные стихотворения». Или верлибры. Как кому нравится. Ритмически свободные стихотворения более выделены, чем вторая часть – «Стихи в прозе». Грань между двумя этими жанрами довольно зыбкая, но всё же она существует. Потому книга и разбита на две части.

Содержание

Часть первая. Свободные стихотворенияэ	5
САД В ДЕТСТВЕ	9
СОН-ВОСПОМИННЬЕ	11
ТРУБА	15
МЕТАМОРФОЗЫ	16
ПРИШЕЛЕЦ	18
РАЗВЕДАРЬ	20
ПРОНИКНОВЕНИЕ	21
ГОРНОЕ КЛАДБИЩЕ	23
БЛАЖЕННЫЙ НА МЕМОРИАЛЕ	27
НА ПЕРРОНЕ	29
ТЬМА В ДРЕМУЧИХ ЛЕСАХ	37
ТОЛКОВИЩЕ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

СВОБОДНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-6986-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко.

8-906-732-92-45 – моб.

8-499-164-02-69 – дом.

a6789@yandex.ru

Часть первая. Свободные стихотворенияэ

И было – небо.

И были – звёзды.

И в шуме их передвижений тайных
Антенна из окна избушки полуночной
Ловила музыку.

Я Вас люблю...

Летел мотив, как тонкий лист летит,
Летит, летит, кружится прихотливо
И бабочкою огненной мерцает...
Я без Вас,
Один, во тьме бушующего сада,
В сторожке древней думаю о Вас,
О Ваших спутниках весёлых, городских.

Здесь только ночь. Приёмник. Диких звезд,
Звёзд переливы.
Одной звезды над тёмною избушкой,
Одной звезды прозрачной, юной имя...

Я Вас люблю...

И было – осень.
И било – полночь.
В ночь с грохотом разбившейся звезды,
В ночь яблоко упало...
Переливы
Сил, плоти. Изнывал
Сочащеюся раной плод на тёмной,
На одинокой, стынувшей земле.

Мотив умолк.
Чуть слышимо звеня,
Антенна трепетала, и меж звёзд
Ещё пыталась музыку нащупать,
Ещё, ещё...

Ещё
Я Вас люблю...

...и вновь
Открытая платформа
Листом осенним выстлана внакат,
И видно как
Метро развозит кровь
По руслам венозным,
Осенний поздний хрип
разносит
По веткам, по жилам

Усталым...

Кряхтя слегка
Суставами,
Поскрипывают
составы...

...и вот зима.
По снегу вы скользите.
Я рукой
За самую пушистую снежинкой,
Под фонарём мерцающей,
Тянусь...

Я Вас люблю...

Она летит, летит.
На башмачок,
На бархатный, на синий, на...
Ступает
Ваш башмачок
С весёлым нежным скрипом
На белую снежинку, на звезду,
Наверное, без умысла,
Должно быть,
Не замечая ничего,
И всё же
Мучительно,

И все же...

Я Вас любил...

САД В ДЕТСТВЕ

Вишнёвые ветки промокшего сада.
Туман голубой. Птицы белые зябли.
И всё в эти дни было так,
Как не надо.
И как-то запутались там
Дирижабли...

Они не таяли.

Тычась, как слепые котята,
В сплетениях голых красных прутьев,
Они пытались вырваться и уплыть
В синее,
На удивление синее небо.

Отчего-то до боли защемило сердце.

Я подбежал,
И за болтающиеся ниточки-канаты,
Одного за другим
(Четыре курносых, белых поплавок),
Вывел их из сада,
Отпустил,
И они тихо,
Как воздушные, праздничные шары

Улетают к лепным, кучевым облакам,
Улетели в печальное небо
И сонно растаяли там...

СОН-ВОСПОМИНЬЕ

Над колодцем (его, может, не было вовсе),
В середине двора (двор тот был, это точно),
Вот не помню, весна была или осень,
Журавли пролетали. Я видел воочью.
Журавли эти были черны и громадны,
Треугольные...

Да, да, это поразило больше всего!..

Медленно махая крыльями-лопастями, как тихие чёрные самолеты, они проплывали надо мной, один за одним. У всех по-журавлиному вниз была опущена тонкая с широкой ступнёй нога, которой они работали в воздухе, словно ластой.

Я стоял, крепко держась за высокий сруб колодца и, закинув голову, смотрел в серое небо. Было страшно, тревожно...

Наконец они, мягко опираясь на плотный воздух одною ногой, опустились на нашей крыше и стали смотреть вниз, на меня – печальными, хищными глазами.

О, это были скорее орлы или кондоры непомерной величины, только я знал – это журавли! Но что они хотят? Зачем они прилетели, такие?

Я ждал их, звал, но я никогда не видел их прежде и думал, что они принесут счастье, а они?

Я ждал чего-то, как и они... но чего?

Не дождались тогда ничего эти птицы,
Улетели, тревожного неба невольники,
Улетели, пропали...

Мне снится и снится:
Чёрные треугольники.

Если, как всплеск, в человеке – боль,
Первое, что облегчает, – крик.

Если зажать человеку рот,
Крику на помощь рванётся – стон.

Если стонать уже нечем,
То...

Он утешился, человек.

Вечер.

Опять фонарщик-старик,
С которым я столько лет незнаком,

Лампочки синие звёзд

Медленно

ввинчивает

в чёрную

сеть

небосвода...

Я ещё долго слышу его.

Который вечер подряд
Красноватым огнём наполняет
Фонарь круглобокий луны
Над Пушкиным в бронзе,
Старинный...

Комар
Опускается на руку
И начинает наполнять моей кровью
Тугое, прозрачное брюхо.

Я слежу за ним.

Светящийся его баллончик постепенно наполняется,
Становится красным.
Как на шарнирах,
Выпрямляются длинные лапки.
Из тела вытягивается
Хоботок,

И,

Тяжело покачиваясь,
Сытый комар
Улетает...

Звучит гитара.
Потрескивают сучья в костре.
Сухой камыш шелестит на болоте.

Я всё ещё слышу.
Слышу его...

Позывные.

Красный огонь —
Станция отбытия.

Чёрный состав —
Разряженная по суставам
Молния.

Зелёный огонь —
Станция назначения.

Жизнь. Чёрный промежуток
Между светом и светом.

ТРУБА

Умер.

Верней, по-украински —

Вмер.

В дёрн, в смерть недр

Врос.

Всё. Труба.

В космос вхожу, как пленный в воду.

Гощу тяжело.

В пустой вселенной шарю, как мертвец.

Шарю, шарю, шарю...

Ну, ну, — давай!

...не убывает.

Жил, как-никак, всё ж.

МЕТАМОРФОЗЫ

(Русские японизмы-дебилизмы)

1.

Сырая улитка носа
Долго ползала по платку,
Оставляя за собой
Серебряные следы.
Потом уползла к себе,
Высохла и умерла...

Улыбнулись врачи!

2.

Ребенок не столь жесток.
Пальцем тихо забрался в нос,
Извлек изнутри желтоватый «труп»,
И решил закопать в земле,
На кладбище,
Где всегда
Хоронил червяков и мух.

3.

— «Брось козу! — засмеялась мать, —
Дурачок!...»
Но резонно сын
Рассудил:

– «У козы рога
Костяные,
А здесь рога —
Водяные...»

И снова в нос
Положил желтоватый
«Труп».

4.

Догадалась умная мать,
Постирала сыну платок.
И сказала, подъявши вверх,
Указующий острый перст:
– «Почаще стирайте детям платки!»

А платок показала всем.

5.

В детской клинике она теперь
На плакате так и стоит
В назиданье мамашам.
И детишкам, задумчиво так
Ковыряющим грязный нос...

ПРИШЕЛЕЦ

- Кто танцует на полу?
- Люди танцуют.
- Кто сидит в углу?
- Человек сидит.
- Хорошо танцевать?
- Хорошо, очень.
- Хорошо человека забывать?
- Нехорошо, знаем.
- Почему человек один?
- Сидит, курит.
- Он что, чей-то сын?
- Сын человеческий.
- А зачем его ногой,
Каблуками, сына?
- Мы не видим ничего,
Мы не знаем ничего,
Мы танцуем и поем
Без него...
- Кто вчера здесь танцевал?
- Мы, люди.
- Кто человека затоптал?
- Каблуки, Боже...

РАЗВЕДАРЬ

Он лежит и что-то знает,
Звёздный зорец и вездец,
Он проник во все законы,
Свежий лишний,
Заиконный,
Затихоненный сударик,
Страшный человек
Мертвец.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Некий один человек
Смотрел как устроена жизнь.
Он наблюдал небеса,
Ритм бытовых начал,
Как то:
Загрязненье стен, тяжбы судебных дел,
Прочее, а потом,
Ночью свои глаза в твердь за окном вперял
И поводил с трудом.
Он всюду совал свой нос, и нос его стал расти,
Женщины от него шарахались, как от коня,
И он их чураться стал.
Ибо уже тогда
Страстно хотел одного,
«Огня! – повторял – огня!...»
Он умокнул перо, и написал слова.
Они теперь ничего
Не скажут о том, как жизнь
Устроена, но теперь
Знают их все подряд.
Потом он сжигал слова.
Потом он сходил с ума.
Слова и теперь горят,

И горит голова,
Если вчитываться весьма.
Но за то, что совал свой нос
Он везде, и хотел узнать
То, чего знать нельзя, и знать нельзя никому,
Жизнь наказала его, придумала страшную месть:
Если вам горячо – это его, из земли, слеза,
Если дрожь пробрала от слов – это страшно ему.
Там,
в глубине,
одному...

ГОРНОЕ КЛАДБИЩЕ

Синий вечер. Рыхлые плиты
с именами и датами.

Проткнувшись из старой могилы, что у самой тропы,
Как тени, качались два тонких бессмертника.

Бедные холмики,
плотно схваченные белой травой.

Крошки хлеба, поклёванного кладбищенской птицей.
Да изредка – чугунные чёрные цепи...

Здесь может прийти почти физическое ощущение небытия.

Миг,
Светлой полоской резанувший по своду бесконечности,
Обрывается.

Вырастает трава. Зарастает память.
...ночь подошла внезапно.

Пахнуло сыростью, мокрой щепой.
Раскручиваясь,
Выполз туман...

У подножья горы я оглянулся:
Торжественный месяц брызнул в глаза.
Архитектура поднебесья являла прозрачное слияние
Золотого с голубым.

Переливчатые осколки звёзд рассыпались вокруг.

Разминались ветви деревьев.

Сиянье дышало покоем.

Внизу,

В окошках домов

Подрагивали хрупкие огоньки,

Как золотые, крупные зёрна...

Когда я не в себе, а в тебе,

Когда я зарываюсь, как зверь,

В крошечный, душный сад, не в себе

И ты. И ты в засаде. И знай —

Теперь, возненавидя всю кровь,

Всю кривь земли, зарытой во мрак,

Меня, себя, и всё, что внутри,

Ты только распрямляешь мой свет

И оголяешь чистый свой ток.

Ты бьёшь им из артерий, смотри —

Горят твои засады! Смотри —

Просквожены до жилки!..

Теперь

Мы только свет, в нас кончился зверь,

Сгорел, извылся, свился в золе...

Мы возвратились в сад золотой...

Мы вышли из себя на земле.

Когда, сгустившись, слоилось небо,

Я мял руками, как глину, воздух,
И сбил так плотно, что даже звёзды
Скрипели в небе.

И так увязли.

Остановилась, чуть дрогнув, сфера...

Я стал по людям скучать, не мысля
О смерти собственной.

Человек ведь

О смерти собственной и не мыслит,
Ведь человек – только семя мира,
А семя – смертно, а значит – вечно.

Я так и думал.

Но помнил крепко,

За что лишились дыханья люди,
И стал лепить просто Дом и Двери.

Не двери в небо, не окна в душу,
А просто Двери, и Дом, и Окна.

Трава была голубой вначале

И руки первые – голубые,

И только женщина – получилась!

Она не лезла деревьям в душу,

Она не рвалась железом в небо,

И потому она – получилась.

А я устал. Перемазав руки

До локтя синей рабочей глиной,

Уснул. Наутро меня подняли

И в дом ввели. Не спросили имя.
Я не был лишним. Меня позвали
И усадили за стол...
Сначала
Мне дали губы – для поцелуя.
Мне дали молча, для сердца – руку.
Мне дали просто, для тела – хлеба.
Для глаз – сиянье, для лёгких – воздух.
Я стал надеяться...

БЛАЖЕННЫЙ НА МЕМОРИАЛЕ

Гля – пламынь!

Погля – камынь.

Прожилки, прожилки, прожил...

Лепый, гарный погость.

А вон тамо, под камынем – кость...

Кость – это Правда,

Правда – это труба, правда?

А что сверх кости – пакость,

Патрубок сверх трубы,

Искус токмо, жир человеку и плен.

Паки и паки...

Тлен, ось...

Прожилки, прожилки прожил...

А ты – жил?

Аль бо вовсе ты не был,

Не жил ты?

Гость...

Вишь, погость, а душа не в тоске,

А яко на небеси,

Така, вишь, окрест панорамырь,

Ако на облаке!..

– Лепо, мадамы?

– Мерсибо...

– Спаси...

Мадамы и господамы,

Шо цэ таке?

Мрамырь!..

НА ПЕРРОНЕ

Ну что она в нём такого нашла?
Нахальный рот, безразличный взгляд,
И рожа красная, ко всему.
Стоит, ждёт поезда... а она
То пепел сдует с его плеча,
То тронет пальцами за рукав,
То так заглянет в его глаза —
Печально, нежно,
Что даже мне,
Прохожему,
Станет теплее вдруг...
А он, проклятый,
Молчит, молчит,
Дымит,
Да смотрит, кривясь,
Туда,
Где стрелки щёлкают,
Где огоньки
Багровый свет на зелёный свет
Меняют...
Сплёвывает.
Каблуком
Вбивает мёртвый окурок в снег.

Пытается улыбнуться ей...
Она боится его потерять!
Что ж я не вправе ей крикнуть? —
Что
Она нашла в нём?..
Сейчас, сейчас
Я тоже сяду в вагон,
Сыщу,
Порывшись в памяти, эпизод,
Где сам бессилен, где сам неправ,
Где третьей силы нам не дано
Когда – спасти бы,
Когда – вдвоём,...
Когда сторонних —
Не надо слов.

Прилетали умные птицы,
Головастые, заполошные, —
По столам канцелярским хаживали,
Дорогое суконце щипывали,
Кой-какие секретцы выложили...
Я им пёрышки пощекотывал,
Я головушки им наглаживал,
Только проку-то в них, как выяснилось,
На росинку, на маково зёрнышко:
Интересы-корысти – сторонние,

Шепота-разуменья – досужие,
Что в них светлого? Что в них радостного?
Ни-че-го!..

Тут-то мне и открылося:
Что добудешь сам, тем и будешь полн,
А что сверх того, то лукавое.
Разобиделись птички, зацокали,
Костяными заклацали клювами,
За моря полетели, пофыркивая, —
Оставайтесь, мол, с вечными олухами!..
Что ты скажешь им? Спорить тут не о чем,
В самом деле, те и останутся
Что от века на дереве сиживали,
Деревенские семечки лузгали,
Лето славили, зиму мыкали...
Немудрящ фасон, да не в форсе честь.

Под плотным деревом лопуха,
Покровительствующего человеку и муравью
Качанием важным расплюснутой кроны,
Мы прятались от дождя.
Под лопухом открывалась аллея —
Сухая, прогретая солнцем...
Дождь не коснулся земли.
Капли, отщёлкав по клеёнке листа,
Скатались в одну – повисшую, замершую

На узорном ресничном карнизе.
В аллее влажно запахло кислицей...
На пористых, сочных стволах
Роились остатки света,
Нежно озарявшие зелёную плоть.
Пиленная муравьями тропа уводила в полынь, —
Мы были одни и могли целоваться,
Но дальше открывалась саванна...
С размеренностью часового механизма
Послышалась скачущая по саванне лошадь, —
Скачущая и скачущая...
У нас уже не было времени.
Кончился дождь.
С накатанной крыши лопуха
Мигнула аварийная красная капля,
Напоминавшая кнопку будильника...
Брызнувший
Из-под копыт,
Чиркнувших подковками
Плоский гранит на тропе,
Пламень с шипеньем погас, —
Медленно,
Медленно оседая в мозгу —
Медленно пробуждающемся,
Неукложем,
Неубитом побудкой

Опять...

Мы стояли под каплей.

Слизняк —

Это просто улитка,

Бросившая свой домик

На произвол судьбы.

Сухой, костяной домик,

Убежище и домовина,

Пибежище, горб

И гроб.

Слизняк —

Это перебежчик

В лагерь сырой природы.

Сладчайшие лабиринты

Таят для первопроходца

Глюкозу, райский зной.

Законы круглы у шара:

Всё сводится к сердцевине,

Всё сводится к тёмной, певучей

Зерна лубяной колыбельке,

Все сводится именно к сердцу...

О, яблока влажный шар!

Слизняк,

Погубивший домик,

Приносит воспоминанье,

Прикрученное к спине.
Он ползёт сквозь яблоко, горбясь,
Впивается мягко в сердце,
Взваливает на плечи
Наливной, сияющий шар...
Не выдержат плечи,
Дрогнут,
И он рухнет с яблоком вместе
С высокой ветки
На землю,
На плоский земной шар,
На сломанный старый домик,
Похожий на пустое сердце,
Позабывшее как стучать...
А яблоко стучать умеет
Всего лишь головой о землю.
И плачет слизняк —
Улитка,
Выставленная за дверь.

...там ядерный Эрос во мрак
Врубал корневую лазурь,
Там лазерной бурей дурак
Гнал трансцендентальную Дурь,
Не сжуливший с жизни слезы,
Силой способный назвать

Нежность, счастьем грозу,
Плакал как ливень...
Там
Был целокупен мир
В светоядре дурака, —
Спорами, как пульсар,
Простреливался сквозь века,
И Дурью, норовом чумовым
(Последним в мире хоть чем-то живым!)
Был вдрызг синеглаз и цел,
Бился семенем лучевым
В щелочах человеческих жил,
В чёрных разумах тел и жал
(Один до конца живой!)
Звёздным светом слезы дрожал,
Ниточкой лучевой
Путался...

ТЬМА В ДРЕМУЧИХ ЛЕСАХ

Сова качала большой головой,
На оси вращала глаза,
Крутила две полных своих луны,
Катила их тяжело.

В червивом дереве был подвал,
Куда закатывала каждую ночь
Сова золотые глаза.

Руководила сова в лесу
Мохнатыми тварями сна,
Умами простых голов
Насекомых, зверей, планет,
Расположенных меж ветвей
И в прозрачной коре стволов.

Она окуналась большой головой
В самое пекло земли,
Она немигающие глаза
Заряжала там от ядра,
Она сквозь корни, через дупло
Выбиралась обратно в лес,
Возносила себя в небеса
И глазами включала свет.

И было тихо в лесу
И светло,

И совсем не гудел топор...

Теперь ослепла сова.

Центр земли оглох.

Нету дупла в стволе.

Нету ствола в лесу.

На ремонт закрыты леса...

Луна бороздит свои небеса,

Бойтся спускаться в лес.

Шаг качающийся дождя.

Так трава вспоминает детство,

Так в траве начинает кататься

Допотопной улитки ладья.

В человеке есть корень дождя.

В человеке есть ритм дождя.

Ритм дождя тяжёл

И дождю

Подчиняется ритм дождя.

Ритм дождя говорит дождю:

– Я иду, а ты не идёшь,

Я не жду, ты стоишь и ждёшь,

Надо вместе ходить, пошли!..

Человек говорит дождю:

– Задыхается кровь,

Болят

Сердце, если стоишь, стоишь...

Ты стоишь – а земля в пыли!
Задыхается ритм дождя,
Ритм дождя ликует в дожде,
В землю ввинчивается дождём...
Дождь идёт сквозь сердце земли.

Я вижу лёгкость необыкновенную
В рабочих, асфальтоукладчицах
В тужурках ослепительных, оранжевых,
В монтажнике, парящем над столицей
Когтистой птицею, в сутулом сварщике,
Вдруг озаряющем столицу синим пламенем
И брызгами золотыми. Почему
Не вижу я вот этой самой лёгкости
В чиновниках? Не знаю почему.

Я люблю велосипед с крыльями.
Дельтаплан я уважаю с колёсами.
Только больше всего мне нравится
Вечный двигатель человеческий.
Что крыло без колёс – это ведомо,
Это просто отрыв от действительности.
Колесо без крыла – это знаемо,
Приземлённость и подвига минимум.
А вот ноги простые, без обуви,
От земли до звезды могут вымахнуть!

Самолёт хорошо катается,
И летать научился здорово,
Только петь мне его не хочется,
Потому что он глупый, как курица.
А вот ноги, былинно грядущие,
Я воспел бы словами не глупыми:
– Это корни, землёй напоённые!
– Это тулова плодоносные!
– Это ветви, вселенной пропахшие!..
И не нужно мне прекословия,
Ибо тяга тоски человеческой
Неизбывна. А по свету белому
Не одна лишь дурная головушка
Их тягает, – тоска неизбывная...

ТОЛКОВИЩЕ

(былина)

Как наехал диван да на мельницу,
На диване дурак со гитарою,
– Выходи – говорит – переваливайся,
Жерновами давай, пошевеливай,
Станем биться с тобою по-честному,
Разговаривать по-богатырскому!..
Отвечает скрипучая, ласковая:
– Ты чего это, дурень наш батюшко,
Не на печке подъехал, как водится?
Напекло ягодицу лежалую,
Аль башку перегрело таланную?
Мебеля под тобой – зарубежные,
Гитарёшка, гляди-тко – нерусская,
Чтой-то дудки-свирелки не видывать,
Самогудов затейных не слыхивать,
Ты чего это, ровно чокнутый,
Ай не первый годочек съезжаемся...
– Ишь, не нравится ей амуниция!
Так и что ж? Ничего тут не значимо,
Что лежанка заводу не нашенского,
Что в перстах призаезжая музыка,

Всё едино – душа, как и сызмала,
Не мирится с поганым присутствием,
Не мирится, и всё тут, и кончено,
Сука старая, аппаратчица!..
– Обижаешь, начальник, неправильно
Выражаешь неуважение!
Нынче время, знаешь, сурьёзное,
За слова каждый-сам в ответственности.
Отощал сволочной наш народишко,
И кишкой отощал, и совестью,
А про душу примолвить, так, право же,
Ты про душу и сам всё ведаешь.
Вот лежишь ты, мил-друг Иванушка,
На лежанке думу вылёживаешь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.